

Интервенция в чужие договорные отношения в Германии¹

В справке рассмотрены три вопроса: I. Условия привлечения к ответственности за интервенцию в чужие договорные отношения II. Ответственность за интервенцию в чужие договорные отношения; III. Соотношение договорной ответственности контрагента и деликтной ответственности интервента.

I. Условия привлечения к ответственности за интервенцию в чужие договорные отношения (форма вины, требование к наличию дополнительных обстоятельств)

1.1. Германское гражданское уложение (БГБ)

Защита первого кредитора при интервенции в договорные отношения со стороны третьего лица осуществляется с помощью § 826 БГБ: «Лицо, которое умышленно причинит другому лицу вред способом, противоречащим добрым нравам, обязано возместить причиненный вред». Обращение к этому параграфу необходимо ввиду запланированного отсутствия в БГБ принципа генерального деликта.

Применение § 826 при интервенции в чужие договорные отношения возможно при наличии хотя бы косвенного умысла интервента. Прямой умысел на причинение вреда первому кредитору не является необходимым. При этом должно быть установлено, что интервент знал о фактах, которые делают его вмешательство нарушающим добрые нравы, в том числе о наличии договорных отношений между должником и первым кредитором. Господствующее мнение и судебная практика, за отдельными отклонениями, отрицают обязанность третьих лиц выяснять, не нарушают ли они чужие договорные отношения. Иной подход означал бы нагрузку для оборота. Знание о наличии чужих договорных отношений релевантно лишь до заключения договора интервентом. Если он узнал об этом уже после, он не может быть привлечен к ответственности².

И судебная практика, и доктрина исходят из того, что не любое заведомое вмешательство в чужие договорные отношения нарушает добрые нравы и влечет за собой применение § 826 БГБ. Помимо знания о чужих договорных отношениях необходимо также наличие дополнительных обстоятельств, которые бы обусловили нарушение добрых нравов. Обратный подход не согласуется с целью абз. 1 § 823, предусматривающим перечень защищаемых благ и не включающим в этот перечень относительные права, а также с текстом § 826 БГБ. При достаточности умышленного

---

¹ См. также по теме: Березина Е.А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве. С. 46-59 // Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников РШЧП. / под ред. А.В. Егорова и А.А. Новицкой. Том 2: особенная часть. 2018. Усачева К. Незаконное вмешательство третьего лица в чужие договорные отношения» (провоцирование третьим лицом нарушения контрагентом договорного запрета, убийство контрагента и т.д.) // <https://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/502>.

² Schad V. Die Verleitung zum Vertragsbruch – eine unerlaubte Handlung? Herbert Utz Verlag. München, 2010. S. 94-95.

вторжения в чужие договорные отношения условие о нарушении добрых нравов оказалось бы выхолощенным³. Вместе с тем, наличие общей посылки не помешало судебной практике и значительной части немецкой доктрины прийти к противоположным результатам.

Судебная практика при рассмотрении дел об интервенции в чужие договорные отношения учитывала разные обстоятельства. Как противоречащие добрым нравам расценивались «планомерные действия» интервента, направленные на нарушение должником своего обязательства перед первым кредитором. Такая планомерность была констатирована при «целенаправленных и систематических действиях в соответствии с четким планом»⁴. С похожей аргументацией применялось и указание на «сговор» должника и третьего лица. Под сговором понимается сознательное взаимодействие двух лиц для причинения вреда третьему лицу. При интервенции в договорные отношения объектом посягательства является право требования первого кредитора. В доктрине критерии «планомерности» и «сговора» подвергаются критике. Любой, кто знает о существовании договорных отношений между кредитором и должником и, тем не менее, обращается к должнику с конкурирующим предложением может быть обвинен в планомерности⁵. Не добавляет определенности и отсылка к сговору: и при простом знании второго кредитора интервент и должник сознательно причиняют вред первому кредитору⁶.

В качестве другого обстоятельства, свидетельствующего о нарушении интервенцией добрых нравов, судебная практика указывает на создание интервентом «экономического стимула» для нарушения договора. Экономический стимул может выражаться в предложении интервентом более высокой цены или же возмещении за должника убытков и неустойки первому кредитору. По мнению Верховного суда ФРГ, такое освобождение должника от уплаты убытков подрывает принцип *pacta sunt servanda*, так как должник может больше не бояться нарушить договор⁷. В доктрине обращается внимание на несостоятельность обоих видов стимулов для констатации нарушения добрых нравов. Предложение более высокой цены или ее отражение в готовности возместить убытки за должника перед первым кредитором являются не исключением, а общим правилом при интервенции в чужие договорные отношения. В ином случае у должника в принципе нет стимула для нарушения своего обязательства перед первым кредитором. Это фактически означает не предусмотренный законом запрет на заключение нескольких конкурирующих договоров в отношении одного предмета⁸.

Наконец, с точки зрения немецких судов, добрые нравы может нарушать интервенция в договорные отношения, имеющие доверительный характер, как в случае с

---

³ Schad V. Op. cit. S. 40, 68-69.

⁴ Schad V. Op. cit. S. 80.

⁵ Rauser A. Schadensersatz für vorsätzliche Eingriffe in fremde Vertragsbeziehungen. Eine vergleichende Untersuchung des englischen und deutschen Rechts. Mohr Siebeck. Tübingen, 2017. S. 100.

⁶ Schad V. Op. cit. S. 82.

⁷ Rauser A. Op. cit. S. 96.

⁸ Rauser A. Op. cit. S. 101. Schad V. Op. cit. S. 77-80.

доверительным управлением или товариществом. Доктрина и в этом случае не соглашается с судами и указывает на то, что обязанности, имеющие доверительный характер, являются дополнительными в структуре обязательства и не затрагивают основное обязательство должника. Соответственно, такие обязанности не могут иметь значения для третьих лиц⁹.

В итоге, по мнению доктрины, предлагаемые судебной доктриной в качестве релевантных обстоятельства в действительности не играли роли при принятии решений. Из судебной практики следует, что для привлечения к ответственности интервента достаточно лишь знания о наличии договора между первым кредитором и должником и наличии какой-либо связи между действиями интервента и нарушением первого договора¹⁰. По сути, суды и согласные с судебной практикой представители немецкой доктрины исходят из того, что как раз само по себе вторжение в чужой договор и возникающие из него права и обязанности имеет решающее значение для констатации нарушения добрых нравов¹¹. Применительно к двойной купле-продаже *Michaels* указывает, что немецкие суды почти никогда не отказывали в иске ко второму покупателю, знающему о наличии первого договора купли-продажи, по причине отсутствия нарушения добрых нравов. Часто упоминаемые критерии планомерности, экономического стимулирования должника, как правило, имеют место, и в действительности для ответственности второго покупателя достаточно одного лишь его знания о первом договоре¹². При этом сам *Michaels* такое решение приветствует. Его позиция означает признание в немецком правопорядке *ius ad rem*, от которого отказались при принятии БГБ (в отличие от Франции, Италии, Квебека)¹³. *Ius ad rem* он понимает в смысле правовой позиции покупателя, который хотя еще и не стал собственником вещи, но уже приобрел определенную позицию в отношении нее, которая выходит за пределы их с должником правоотношения. Во внешних отношениях эта правовая позиция защищается таким образом, что покупатель может потребовать вещь от недобросовестного второго покупателя¹⁴. В то же время *Michaels* указывает, что двойная купля-продажа является плохим примером для общего обоснования института вторжения в чужие договорные отношения. По его мнению, защита первого покупателя при простом знании второго покупателя объясняется не стремлением обеспечить исполнение первого договора, а защитой возникшей в силу договора купли-продажи относительной правовой позиции в отношении вещи. Эта позиция является гораздо более конкретной, чем простая надежда кредитора на исполнение со стороны должника иного типа обязательства (в частности, обязательство выступить на сцене)¹⁵. Впрочем, обычно исходят из иного подхода и расценивают двойную куплю-продажу как

---

⁹ Rauser A. Op. cit. S. 101. Schad V. Op. cit. S. 76-77.

¹⁰ Schad V. Op. cit. S. 42-43.

¹¹ Rauser A. Op. cit. S. 103.

¹² Michaels R. Systemfragen des Schuldrechts. S. 87 // Historisch-kritischer Kommentar zum BGB, Band II, Schuldrecht: Allgemeiner Teil §§ 241–432 / Reinhard Zimmermann. 2007.

¹³ Michaels R. Systemfragen des Schuldrechts. S. 87 // Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. S. 85.

¹⁴ Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, *ius ad rem* in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. Duncker & Humblot. Berlin, 2002. S. 56-57.

¹⁵ Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, *ius ad rem* in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. S. 387-388.

типичный случай интервенции в чужие договорные отношения, который также должен предполагать наличие дополнительных обстоятельств, помимо простого знания о наличии первого договора купли-продажи¹⁶.

Оппонирующие господствующей судебной практике представители доктрины в качестве примера применения § 826 БГБ к интервенции в договорные отношения приводит поведение интервента, которое само по себе является упречным, безотносительно к факту вмешательства. Такой является интервенция в чужие договорные отношения единственным мотивом причинить вред первому кредитору. Также недопустимы обман, угрозы, подкуп (например, подкуп представителя должника)¹⁷.

1.2. UWG (недобросовестная конкуренция)

Интервенция в чужие договорные отношения в Германии оценивается не только с точки зрения общих норм БГБ о деликтной ответственности, но и с позиции Закона о недобросовестной конкуренции (*Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb*; далее – «UWG») как специальный деликт. В отдельных случаях, когда затрагиваются отношения конкуренции (как ее понимает антимонопольное законодательство), положения БГБ и UWG могут пересекаться¹⁸. При нарушении UWG лицо должно возместить убытки, которые рассчитываются также в соответствии с БГБ¹⁹.

UWG допускает сравнительно более широкую защиту – в то время как § 826 БГБ в качестве необходимого условия предусматривает наличие умысла у интервента, § 1 § 9 UWG устанавливает ответственность и за небрежность²⁰. Вместе с тем, и в этом случае интервент должен обладать позитивно установленным знанием о существовании договора, в который он вмешивается. Небрежность как допустимое основание для привлечения к ответственности здесь касается лишь причинения вреда²¹.

Ответственность за вторжение в чужие договорные отношения в UWG основана на § 3 абз. 1 UWG, запрещающего недобросовестную конкуренцию (до 2004 года вместо этого использовалось понятие добрых нравов), и § 4 Nr. 4 как его конкретизация, запрещающий целенаправленно препятствовать своим конкурентам²².

---

¹⁶ См., например: Schad V. Op. cit. S. 1. Rauser A. Op. cit. S. 104.

¹⁷ Rauser A. Op. cit. S. 101-102. Schad V. Op. cit. S. 82-88. Впрочем, есть и промежуточные решения. См.: Rauser A. Op. cit. S. 101-102. сноска 454: Krasser. *Der Schutz vertraglicher Rechte gegen Eingriffe Dritter*, 1971, S. 293 ff - Krasser предлагает привлекать к ответственности лицо, для которого было распознаваемым намерение сторон быть верными договору. Предлагая экономические стимулы должнику интервент в этом случае искушает его снижает мотивацию к надлежащему исполнению.

¹⁸ Schad V. Op. cit. S. 97.

¹⁹ Rauser A. Op. cit. S. 111.

²⁰ Schad V. Op. cit. S. 97.

²¹ Schad V. Op. cit. S. 159-160. К сожалению, автор не приводит примера, где это могло бы быть релевантным. Другие авторы не акцентируют внимание на более благоприятном для привлечения к ответственности режиме UWG, в частности достаточности небрежности. В контексте интервенции в чужие договорные отношения они говорят об умысле.

²² Rauser A. Op. cit. S. 111-116.

В контексте интервенции в договорные отношения как недобросовестной конкуренции традиционно рассматриваются три группы случаев: переманивание работников; переманивание клиентов и вторжение в систему сбыта.

а) Переманивание работников

Как и в случае с § 826 БГБ судебная практика и доктрина исходят из общей предпосылки о допустимости переманивания работников как элемента рыночной экономики. Для запрета интервенции в договор с работников необходимо наличие дополнительных обстоятельств. Таким дополнительным обстоятельством может быть недобросовестная цель, при которой интервент прежде всего хочет навредить своему конкуренту через лишение его рабочей силы. Классическим случаем является переманивание в ситуации, когда сам интервент в работниках не нуждается²³.

Больше споров вызывает переманивание работников недобросовестными средствами. Переманивание работников без нарушения ими договора по общему правилу допустимо. Исключением практика посчитала случай, когда конкуренты вступили в переговоры по поводу возможной будущей работы и интервент, используя возникшие доверительные отношения с конкурентом, переманил его работников. В свое время обсуждался также случай о переманивании хедхантером работника со своего предыдущего места работы. В качестве основной линии судебной практики стало допущение телефонного контакта на рабочем месте. Хедхантер должен кратко описать предлагаемую должность и предложить разговор уже за пределами места работы переманиваемого работника. Таким образом, интересы работника в профессиональном поиске были поставлены выше, чем интересы его работодателя²⁴.

Переманивание работников через склонение их к нарушению договора как результата целенаправленных действий со стороны конкурента рассматривается прежде всего в условиях предложения интервентом работнику дополнительных стимулов. Такую интервенцию судебная практика расценивает как недобросовестную конкуренцию и привлекает интервента к ответственности. Например, недопустимо склонять работника к нарушению им договора, предлагая более высокую заработную плату. Запрещено переманивание и в том случае, когда сам работник уже хотел уйти с текущей работы, но предложение со стороны конкурента стало дополнительным стимулом²⁵. Немецкая доктрина в свою очередь критикует такой подход судов, которые сводят вопрос недобросовестности интервенции к тому, предложил ли конкурент более выгодные условия для работы или нет. Суды в своих решениях опираются не на функции конкурентного права, а на соображения недопустимости извлечения выгоды за счет другого. Через обращение к чуждым UWG целям, суды фактически нарушают

---

²³ Sosnitza O. Verleiten zum Vertragsbruch – Berechtigte Fallgruppe oder alter Zopf? // Wettbewerb in Recht und Praxis. 2009. № 4. S. 373.

²⁴ Rauser A. Op. cit. S. 119.

²⁵ Rauser A. Op. cit. S. 120-121.

систематику БГБ, которое исходит из общей допустимости вмешательства в договорные отношения²⁶.

б) Переманивание клиентов конкурента

Переманивание клиентов считается, по общему правилу, допустимым. При переманивании клиентов, в отличие от переманивания работников, предложение более выгодных условий не будет считаться недобросовестной конкуренцией. Должны наличествовать дополнительные обстоятельства. Так, недопустимой интервенцией признается предложение новых условий в обстановке, которая не дает клиенту оценить предложения конкурента. При этом не считается недобросовестной конкуренцией помощь в расторжение договора с предыдущим контрагентом²⁷.

в) Вторжение в систему сбыта

В рамках системы сбыта поставщик поставляет товар лишь определенному кругу лиц, которым в свою очередь запрещается продавать товар за рамками налаженной системы. В качестве недопустимых действий суды признавали заключение договоров с помощью обмана, когда конкуренты представлялись как участники системы сбыта²⁸.

Как было указано выше, доктрина считает, что суды не всегда следуют своему собственному утверждению о необходимости наличия дополнительных к простому знанию о договоре с первым конкурентом обстоятельств. Прежде всего порочной считается практика признания недопустимым склонения к нарушению договора через экономические стимулы. В качестве возможных обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестной конкуренции, в доктрине указывают на угрозы, обман работника (клиента, участника системы сбыта), который может быть введен в заблуждение о том, что он не нарушает договор. Также недопустимым является введение в заблуждение о благосостоянии текущего работодателя (контрагента). В то же время признается, что перечисленные действия сами по себе представляют недобросовестную конкуренцию, безотносительно к факту интервенции в чужие договорные отношения²⁹.

Выводы

Господствующая немецкая судебная практика склонна привлекать интервента к ответственности в чужие договорные отношения, склоняющего должника нарушить договор, как по БГБ, так и по UWG. При этом достаточными действиями признается предложение более высокой цены в случае с двойной куплей-продажей, а также переманивание работника через экономические стимулы. С точки зрения доктрины, суды фактически пришли к тому, что для ответственности интервента в большинстве случаев достаточно одного лишь его знания о договоре между первым кредитором и

---

²⁶ Rauser A. Op. cit. S. 125.

²⁷ Sosnitza O. Op. cit. S. 374. Schad V. Op. cit. S. 104-105.

²⁸ Schad V. Op. cit. S. 131-132.

²⁹ Sosnitza O. Op. cit. S. 377.

должником. По мнению многих представителей доктрины, такая ситуация не является удовлетворительной.

II. Ответственность за интервенцию в чужие договорные отношения

В случае интервенции в чужие договорные отношения интервент, как в случае с § 826 БГБ, так и при нарушении положений UWG, должен возместить первому кредитору убытки, которые рассчитываются в соответствии с §§ 249 BGB и далее, то есть общими правилами о возмещении убытков. Интервент должен возместить такой размер убытков, что первый кредитор будет поставлен в положение, как если бы вмешательства в его договорные отношения не было (негативные убытки)³⁰.

При этом при возмещении убытков необходимо не просто восстановление прежнего положения, но и учет того, как бы прежнее положение развивалось в отсутствие правонарушения³¹. В случае с интервенцией в чужие договорные отношения это означает, что если бы не действия интервента, то, скорее всего, первый кредитор бы получил предмет договора в натуре. В результате, для ситуаций двойной купли-продажи немецкие суды и господствующая доктрина признают обязанность интервента передать вещь первому кредитору в качестве возмещения убытков в натуре. Такой подход лучше обеспечивает интересы первого кредитора и является экономически разумным³².

Против господствующего подхода часто высказывается возражение, что присуждение первому кредитору вещи в натуре означает недопустимый возврат в немецкий правопорядок *ius ad rem* и смешение границ между обязательственным и вещным правом. На это возражают, что совпадение результата не означает признание имманентного преимущества прав первого покупателя перед вторым. Господствующее мнение обосновывает возврат вещи вторым покупателем как возмещение убытков в натуре, а не как восстановление правовой позиции первого покупателя в отношении вещи³³.

В качестве недостатка удовлетворения прямого деликтного требования первого кредитора к интервенту в натуре также указывают на сложность осуществления

---

³⁰ Schad V. Op. cit. S. 161. Rauser A. Op. cit. S. 104.

³¹ В то же время указывается и на спорность подобного предположения о том, как бы развивался договор в отсутствие интервенции. Вовсе не обязательно, что без вмешательства третьего лица договор был бы исполнен надлежащим образом. См.: Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, *ius ad rem* in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. S. 393. При строгом понимании восстановления предыдущего положения интервент должен был бы восстановить право первого кредитора требовать исполнения от должника. В случае с двойной куплей-продажей исполнение должником второго договора купли-продажи по действительной сделке делает исполнение обязательства из первого договора невозможно, соответственно такое обязательство прекращается. Однако в этом случае интервент не может восстановить право первого кредитора, так как стороной первого договора не являлся. См.: Schad V. Op. cit. S. 172-173.

³² Schad V. Op. cit. S. 173-174. Rauser A. Op. cit. S. 106

³³ Schad V. Op. cit. S. 174-176. Ср.: Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, *ius ad rem* in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. S. 393.

взаимных расчетов при таком подходе. Так, не учитываются возможные возражения со стороны должника, в первую очередь о неполной уплате цены по договору с первым кредитором. Поэтому вместо прямого требования о передаче вещи и переносе права собственности к интервенту некоторые предлагают обязать второго кредитора (интервента) передать предмет договора обратно должнику, чтобы тот смог исполнить свое первоначальное обязательство перед первым кредитором. Тем самым восстанавливается именно то положение потерпевшего, которое имело место до деликта. При этом по второму договору между должником и интервентом они возвращают друг другу все полученное, так как фактически сделка не состоялась, и они, ввиду своего поведения, не могут рассчитывать на защиту³⁴.

Тем не менее, предложенное выше решение имеет неразрешимые догматические противоречия, с точки зрения господствующей доктрины. Прежде всего это касается правового основания, по которому бы стороны второго договора – должник и интервент осуществляли друг другу возврат полученного. Понятия добрых нравов в § 826 БГБ, недобросовестной конкуренции в UWG как основания для привлечения к ответственности интервента и понятие добрых нравов в § 138 БГБ как основания для ничтожности противонаправленной сделки имеют отличное друг от друга содержательное наполнение ввиду различий в преследуемых ими целей. Поэтому нарушающая добрые нравы интервенция в чужие договорные отношения не всегда является также и основанием для констатации ничтожности договора между должником и интервентом. Также и интервенция в договор, являющаяся недобросовестной конкуренцией и нарушающая положения UWG, не влечет за собой недействительности договора между должником и интервентом как противозаконного по § 134 БГБ. UWG считает недопустимым нарушение конкуренции, а не содержание второго договора. Таким образом, вопрос о влиянии недопустимой интервенции в чужие договорные отношения на действительности второй сделки должен исследоваться в соответствии с обстоятельствами конкретного случая. Общего правила о недействительности второго договора нет³⁵.

В то же время господствующий подход, допускающий прямое требование к интервенту действительно имеет недостатки в осуществлении взаимных расчетов между сторонами. При возмещении убытков в натуре нужно учитывать не только высокую вероятность исполнения со стороны должника, но также и то, что первый кредитор должен уплатить покупную цену за фактически полученную вещь, хоть и от интервента. Здесь возникает противоречие. Когда интервент передает вещь и право собственности на нее первому кредитору, в отсутствие недействительности второго договора между интервентом и должником должник может сохранить полученное от интервента исполнение или требовать от него исполнения еще не полученного. В итоге интервент должен отдать вещь первому кредитору и при этом исполнить обязательство перед должником. Должник оказывается в незаслуженно лучшем положении, чем первый и второй кредиторы. Интуитивное предложение об уплате покупной цены первым кредитором

---

³⁴ Schad V. Op. cit. S. 176-177.

³⁵ Schad V. Op. cit. S. 162, 177. Rauser A. Op. cit. S. 104-106.

второму, а не должнику за полученную вещь имеет догматические противоречия (нет правового основания для уплаты покупной цены интервенту) и несправедливым последствиям, когда часть цены уже была уплачена должнику³⁶.

Как указывает *Schad*, такая же проблема существовала и до принятия БГБ при Прусском земском праве, которое ранее предусматривало *ius ad rem*, согласно которому второй покупатель как относительный собственник не мог противопоставить свое право первому покупателю. В итоге второй покупатель должен был передать вещь первому покупателю, а продавец в свою очередь мог требовать оплаты вещи от первого покупателя. В свою очередь вопрос о взаиморасчетах между продавцом и вторым покупателем при передаче последним вещи первому покупателю не регулировался. В то же время за неимением другой нормы продавец не мог сохранить полученное от второго покупателя и должен был передать предмет исполнения в казну³⁷.

Сложности во взаиморасчетах при прямом деликтном требовании первого кредитора к интервенту могут свидетельствовать о том, что все-таки оптимальным решением является сначала возврат вещи должнику с последующим его исполнением первому кредитору. В этом случае покупная цена поступает изначальному адресату (должнику), а положение второго покупателя может рассматриваться как будто бы должник отказался от договора. Это позволит ему требовать возвращения уплаченной интервентом должнику цены. В то же время это не проясняет, какое здесь правовое основание для возврата продавцом интервенту покупной цены. Возможно, допустимо предположение о том, что должник ненадлежащим образом исполнил обязательство, так как вещь была истребована у интервента третьим лицом и § 826 БГБ представляет собой своеобразное обременение вещи (подобно эвикции). Тем не менее, такой логике препятствует знание интервента о возможном отобрании вещи первым кредитором и то, что он сам принял такой риск. С другой стороны, с точки зрения немецкого правопорядка, отказ интервенту в возврате уплаченной им цены, несмотря на отобрание вещи, может быть оправдан в контексте § 817 S. 2 БГБ, которая исключает возврат неосновательно полученного лицу, намеренно нарушившему закон или добрые нравы (*in pari delicto*)³⁸. Однако и этот подход не согласуется с общими правилами о возмещении убытков (§ 249 БГБ). Передача вещи от интервента должнику еще не может считаться полноценным возмещением убытков, которое предполагает наличие результата. Наконец, это также возлагает на первого кредитора двойные риски банкротства – должника и интервента, если считать, что интервент исполняет обязательство по возмещению убытков передачей вещи должнику³⁹.

---

³⁶ *Schad V. Op. cit. S. 178-179. Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, ius ad rem in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. S. 393. Rauser A. Op. cit. S. 106.*

³⁷ *Schad V. Op. cit. S. 179. Сноска 872.*

³⁸ *Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, ius ad rem in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. S. 394-395.*

³⁹ *Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, ius ad rem in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. S. 395.*

Michaels предлагает решать проблему с помощью § 185 БГБ, предусматривающего возможность отчуждения объекта неуправомоченным лицом с разрешения управомоченного лица. В случае двойной купли-продажи это значит разрешение интервента должнику на отчуждение вещи в пользу первого покупателя. В этом случае право собственности передается непосредственно от интервента. Этот путь позволяет замкнуть взаиморасчеты в треугольнике⁴⁰. Однако, господствующее мнение все же придерживается прямого деликтного иска о возмещении убытков в натуре к интервенту. Кроме того, сам институт § 185 БГБ в российском праве прямо не предусмотрен, хотя и фактически находит выражение в договоре комиссии.

Выводы

Основным способом защиты первого кредитора в Германии является прямое деликтное требование первого кредитора к интервенту о возмещении убытков в натуре, а именно передачи предмета, полученного от должника. В этом случае возникают проблемы взаиморасчетов. Применению в двойной купли-продажи возврата предмета от интервента должнику с последующим исполнением первого договора противостоит мнение о том, что договор между интервентом и должником сам по себе не является недействительным. Кроме того, такая конструкция приводила бы к тому, что на первого кредитора возлагаются дополнительные банкротные риски, так как он не может потребовать вещь непосредственно от интервента.

III. Соотношение договорной ответственности контрагента и деликтной ответственности интервента

Так как первый кредитор имеет право требовать возмещения убытков как от контрагента по договору (должника), так и от причинителя вреда (интервента), должник и интервент отвечают по общим правилам и соответственно являются солидарными должниками по §§ 421 БГБ и далее⁴¹.

Доктринальные предложения обусловить ответственность интервента невозможностью взыскать убытки с контрагента ввиду отсутствия до этого момента убытков широкой поддержки не нашли⁴².

Выводы

Должник и интервент отвечают солидарно.

---

⁴⁰ Michaels R. Sachzuordnung durch Kaufvertrag Traditionsprinzip, Konsensprinzip, ius ad rem in Geschichte, Theorie und geltendem Recht. S. 396.

⁴¹ Schad V. Op. cit. S. 185. Rauser A. Op. cit. S. 107.

⁴² См.: Schad V. Op. cit. S. 171-172. Rauser A. Op. cit. S. 104-105.